

Леонид Оливсон

**ЖИЗНЕРАДОСТНЫЕ
ЛЮДИ**

Леонид Моисеевич Оливсон

Жизнерадостные люди

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19168257

Жизнерадостные люди. Сборник стихотворений. / Л. Оливсон. , :

Э.РА; Москва; 2016

ISBN 978-5-00039-188-4

Аннотация

Стихи Леонида Оливсона – это стихи интеллигентного, интеллектуального человека, интересующегося искусством, кинематографом, литературой. Они искренни, написаны от души. Автор переосмыслил биографии и достижения известных деятелей искусства и рассказал нам о них простым доступным языком. В последнем разделе книги собраны стихи на разные темы, они будут близки и понятны широкому кругу читателей. В этих стихах видится равнодушная личность автора, тонко и по-доброму воспринимающего окружающий мир.

Содержание

Часть первая	4
Была она ему одной из муз...	4
«Пожизненный труженик» (М. Цветаева)	7
Нам это запись сохранила...	9
Чехову	12
Весь в дедушку	12
«О вреде чтения книг»	14
В номерах	15
В потемках	17
Юбилей	21
Склонимся же к их обелискам	24
«Не в духе»	26
В. А. Гиляровский. «Жизнерадостные люди»	28
Мильон терзаний	31
Терзанья Гойи в связи со смертью дочери	33
Часть вторая	35
Ведь для него он в жизни...	35
Марлен Дитрих	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Леонид Оливсон

Жизнерадостные люди.

Сборник стихотворений

Эту книгу я посвящаю светлой памяти моей мамы Иды Федоровны Каплун, умершей в начале войны в возрасте 26 лет, и отцу Моисею Иосифовичу Оливсону, который погиб на фронте 5 октября 1941 года под Калининым.

Часть первая

«Каждый пишет, как он слышит...»

Булат Окуджава

Была она ему одной из муз...

Пушкину

Имел он безответную любовь.
И хоть он был и мальчик юный,

Но было то ему не вновь —
Имел любви он опыт втуне.
Она была в два раза старше,
Но разве думать мог об этом,
Хоть муж деяньями блиставший
За исполнением следил обетов.
Все мысли были лишь о ней одной —
Запретной, но такой желанной.
Она в его глазах была святой.
И в тайне ей он пел осанны.
На даче в Царскосельском парке
Ей на прогулке приносил цветы...
Любовь запретная сушила:
Везде, как пес искал ее следы.
Не должно имени ее звучать
В его писаниях, тенетах...
Чтоб не подверглась осмеянью стать,
Оно должно быть под запретом.
Все ж не сдержался он – послал записку,
Ее прося о тайной встрече.
Себя подвергнув он напрасно риску —
Нет никого, кроме Него
О встрече не могло быть речи.
Ее случайно на тропинке встретил.
Припав к ее коленям, обнял.
Известно, что там был свидетель,
Иначе до сих пор никто б не знал...
Он нежно целовал ее стопы
Своими влажными губами.

А если б муж пришел на ту тропу,
Не кончилось бы всё словами!
Не молвив слов, лежал у ног ее,
Она молчала, понимая:
Жестоко превратить тот миг в смешок,
Ведь он под действием дурмана...
И вдруг он засмеялся счастьем,
Что не отвергла и не обругала.
Придя в Лицей с великой страстью
Писал поэму, возмужалый.
Свою любовь он перенес на Русь.
Писал «Руслана и Людмилу».
Была Она ему одной из муз
Какое имя ее было?

.....

Он, умирая, ее руку взял,
Сказав: меня перекрестите.
В последний миг ее поцеловал,
Она была его магнитом.

«Пожизненный труженик» (М. Цветаева)

К. Бальмонт

Метущийся с натурой щедрой
И вечный мот своей души,
Он жизни не искал оседлой,
Тома стихов писать спешил.

Он беззащитен, одинок,
С живыми быстрыми глазами,
Познаьем движимый челнок —
Здесь речь идет о книгомане.

С хромою быстрою походкой,
Испуганный порою взгляд.
Он озирается неловко,
Во всем он слышит звукоряд.

Всегда готов вскипеть, как чайник,
Великолепный шантеклер,
На людях, вовсе не молчальник,
Исследователь ойкумен.

С клинообразною бородкой,

Его высок воротничок,
Бывает он смиренно кротким,
Обидят – клюнет петушок.

Порой испанский анархист,
Когда на улице встречаешь.
А в своей жизни мазохист,
С самоубийствами играющ.

Поэзия – его стихия.
Он только ею в жизни жил.
Любил всем сердцем он Россию,
А в эмиграции почил.

У них в глазах он был таким,
И было общее в их взглядах,
Нам остается верить им —
Они ведь все из той плеяды.

Нам это запись сохранила...

Ахматовой

С великой Анной это было...
В эвакуации, в Ташкенте зимнем,
Нам это запись сохранила —
Рассказ о случае, весьма интимном.

Ее знакомая ташкентка
Была свидетельницей в этом деле.
В том месте рядом с ней клиентка
Столкнулась в деле с маленьким злодеем.

Ахматова пошла на рынок,
Своей обычной жизнью жил базар.
И крик вот этой старожилки
Идиллию вокруг прервал.

Мальчишка рваный, незаметно прислонясь,
Карман ее стал тихо резать бритвой.
— К кому ты лезешь? Ты знаешь, мразь? —
За руку схвачен был воришка прыткий:

— Хотел ограбить ленинградку?
Она голодная, тебе не стыдно?
Он хмыкнул, дунув без оглядки.

В те годы было никому не сытно.

Но вновь он скоро появился
И ей принес румяный пирожок
Сказал он только: «Ешь» – и скрылся.
Он, мерзкий, понял и отдал должок.

Умело же мальчишка рисковал.
Вопрос ее был: «Неужели съесть?»
– Конечно, он его для вас украл! —
Сомненья вмиг: не замарать бы честь!
Она потом писала позже:
Бесценный дар базарного воришки,
Как хлеб, ценнее был одежи,
Хотя она нуждалась в барахлишке.

Война загнала поэтессу
В далекий край – Узбекистан.
И это было новым стрессом —
Хорош ли будет этот «стан»?

Она страшилась, как все будет
Здесь, словно на краю земли.
Но здесь решалось много судеб,
И много беженцев приют нашли.

Ей Азия приют давала,
И чувство защищенности ей льстило.
О теплоте той вспоминала

И часть стихов ей добрых посвятила.

Чехову

Не устарел еще великий Чехов,
О мерзостях писал другой эпохи,
Но изменилась ли природа человека?
Намного ли он стал умней,
ведь те же блохи
И те же слабости, пороки, предрассудки,
Что были, скажем, с ломоносовских времен...
Хоть грамотнее стал –
живет в своей скорлупке,
Тиранами согбен, а мыслями – дрянен.

Весь в дедушку

(Чехов, ПСС, т. 2)

Заснуть пытаюсь, в жаркой духоте в полночь,
Себя не в силах больше как-то превозмочь
Дед – старый генерал – и его взрослый уже внук
Устроили между собой большой диспут хапуг.

«Молокосос, битюк прогнать тебя б сквозь строй!» —
Внук слышит окрик каждый вечер в адрес свой.
«Ленивец, ты мне порошок персидский не купил,
Вчера с чужой женой Дубякина ты укатил.

Мораль о брачных узах ты, стервец, нарушил!»
«О, каюсь, дед, не зря тебя я прогневил,
Ведь кровь и плоть взяла все добродетели твои,
Хоть совесть мучает – в моей душе твои струи!»

«Я что-то того факта в жизни не припомню,
Чтобы жену чужую чью-то увозил». —
«Ну вспомни, ведь, используя чины, ты взял неровню,
Ты девушке-невесте голову вскружил.

Потом бедняжка была с пьяницей-поручиком,
Бежала вскоре от тебя – ты позабыл,
С случайным бедным, модным, молодым попутчиком
Тут дело не твое – тебя б сквозь строй, дебил!

Ответь мне, почему сестру ограбил?
За что у женщины сто десятин земли отнял?
Весь в вас, дедуля, дорогой, я с вас примеры взял.
Ну помнишь, дед, когда ты в интендантстве правил?..»

И в этот вечер долго длится между ними спор,
И завтра будет тот же самый нудный разговор,
Дед будет внука обижать и понукать,
А внук все так же будет отвечать...

«О вреде чтения книг»

(А. П. Чехов, ПСС, т. 2).

Начальник театра с антрепренером вдвоем,
друг друга не таясь,
Сидели, обсуждая всех актрис-красоток,
в святоши не рядясь.
Когда одна из них читает монологи «с волнением в
груди»,
А тут чиновник глупый рвется с бумагами докука.

Досадно было, что пришлось
прервать детали сладкого интима.
Ведь эта тема между мужиками, что ни говори, любима.
Чиновник выполнял свой долг
и в разговор не вовремя вмешался.
Начальник наш от дерзости такой —
ну, на чиновника сорвался:

«Об этом можно бы и после —
какой же вы невежливый народ!
Что за привычка досаждать в беседе —
ведь моя подпись не уйдет!»

И антрепренер сей вмешался тут:
«Вы что бурчите тут, неряха,
Все локти продраны и пишете безграмотно,

ну как сапожник.

Вы просто моветон!

Вы книг, похоже, не читаете, безбожник!»

Чиновник слушал стоя нарекания и трясся весь от страха.

Весь театральный коллектив пытаются

вдруг чтением заразить,

И сам начальник театра старается всех к чтению приучить.

Но вскоре ропот недовольства слышен,

Последствия крупные дурные видимы уже везде кругом.

Нет никого, кроме Него

Начальник театра от своей ошибки

теперь уже и сам взбешен.

Где антрепренер «умный»?

Приказываю: не пускать его в наш дом!

В номерах

(А.П. Чехов, ПСС, т3).

На днях жена полковника приехала в дрянной отель

Хотя она и в явном виде не увидела бордель

Хозяину отеля вдруг припустилась угрожать:

“Прошу другую комнату – иль не буду приезжать”.

И с ней две дочки —

ведь им пришло время повенчаться
Там был сосед, мужчина;

с кем не желал никто встречаться
Его я видеть не хочу: “Прошу принять Вас меры
Он людям тут показывает худшие примеры.”

Ах, матушка, ну что могу скажите я сделать с ним
Ведь он грозит мне и ругает – и вечно с кулаками
И в драках он выясняет отношения с врагами
А утром ходит с синяками, в пьяном виде, в нижнем.

Как жаль, ведь из семейства благородных, и не женат
Не пил бы столько то, может был бы и весьма богат
Так не женат? Проверьте только, вы точно говорите
Ступайте-ка к нему: Вы срочно после – ко мне зовите.

Представь меня и дочерей моих и не забудь сказать:
“Чтоб он при людях воздержался грубых выражений
Что в номере моем его я буду с дочерьми ждать
Я думаю, что у него не будет возражений”.

Мамаша, ну зачем, вам нужен этот вечный вертопрах?
Он забулдыга и все время крутится в больших долгах
Ну, почему вы девочки всегда так говорите
Не потому ль вы в девках долго, злые и сидите

В потемках

(А. П. Чехов, ПСС, т. 5)

Случилось это очень темной ночью,
Тумана смрад скрывал свет фонарей.
Я эту дачу знавал воочью,
Бывал у живших там давно людей.

Товарищ прокурора пробудился,
Ведь кто-то очень щекотал его ноздрю,
От чиха нос его освободился
И вынес муху – «инородную среду».

Но он чихнул, так громко и со свистом,
Что тело содрогнулось на кровати,
И в воздухе, теперь уже не чистом,
Его жена проснулася некстати.

Она надела туфли не спеша,
Пошла к окну – ей было так привычно,
Не слышно было стука стОрожа,
И коростель молчал, что необычно.

Сквозь злую мглу ей показалась фигура,
Что быстро шла от цветника к их дому.
В ней разыгрались очень быстро страхи сдуру,
Но к выводу она пришла другому.

Затем фигура побыла у кухни.
И влезла на карниз ее окна.
И запах вдруг пришел, как из конюшни,
И больше не была уже видна.

В ее мозгу мелькнуло – «вор»,
Он грабит ценности из дачи.
В руках его большой топор
Спасет ли муж от неудачи?

Вот муж разбужен наконец,
Она ему все объясняет,
Но муж ее – не тот глупец,
Он ей спокойно заявляет,

Что, может быть к кухарке гость явился,
Ведь днем сюда не может он придти,
А он пожарный – я б не суетился,
Ты только успокойся – уходи».

«Тем хуже для нее и для него.
Мой дачный милый дом не для того!
Подумай-ка еще, какой позор —
Он даже хуже, чем домашний вор!»

Он, плюнув, в свои туфли залезает
И ощупью идет на кухню дома.
А по дороге няню вопрошает:

«А где ж халат мой, тебе неведомо?

Ведь ты взяла вчера его мне обновить». —

«Я отдала его кухарке». —

«По дому должен без халата я ходить,

Какие в доме беспорядки!»

Придя на кухню, он нашел кухарку

Под полкою с кастрюлями на сундуке.

Он в бок ее толкает, интриганку,

И говорит на чистом русском языке:

«Кто лез к тебе в кухонное окно сейчас?» —

«Ты, барин, только посмотри который час.

Кому же надо лезть ко мне? – ведь я устала.

Я целый день на кухне с пищей простояла». —

«Ты, Пелагея, лучше не дури

И своему прохвосту ты скажи,

Чтобы из дома убирался, охламон,

Пока что подобру и поздорову – вон!» —

«Как вам не стыдно, благородный барин,

Надо мной глумиться?

Грех вам – вы пользуетесь тем, что

некому здесь заступиться!»

Товарищ прокурора четко понял, что

Сейчас совсем не прав.

И, извинившись, он направился к жене,
От суеты устав.

Но, вспомнив, быстро про халат спросил:
«Брала ль ты чистить мой вчера халат?» —
«Он на гвозде висит и не помят».
И он, надев его, про все забыл.

Воображение его жены играло
Картину жуткую той страшной ночи
Что муж лежит, убит, и все, короче...
Она же, лежа на кровати, умирала.

Но муж пришел и цел, и невредим,
Истерики ее рассеяв дым,
Сказав «Кухарка добродетельна, как ты,
Мы перед ней с тобою виноваты».

Но тут запахло луком, щами, дегтем,
И этот запах их насторожил.
«Где спички? Дай-ка, мы свечу зажжем!» —
Совет семейный в этот миг решил.

«И заодно я покажу тебе
То фото нашего родного прокурора,
Он из палаты уходил к себе
И каждому давал автограф из задора».

Муж чиркнул быстро спичкой и зажег свечу,

И спальня у кровати озарилась,
Пошел он взять подаренную карточку,
И в спальне вновь истерика случилась.

И где его халат – теперь загадка новая!
На нем была шинель «ее» пожарного.
Лицо жены, от новых страхов вновь пунцовое,
Кухарка-то «ниш гит», не благодарная!

Юбилей

(А. П. Чехов, ПСС, т. 5).

В гостинице непрезентабельной шло торжество,
Собрата Тигрова актеры отмечали юбилей.
Их брат-актер необыкновенным слыл божеством,
От лобызаний и речей цветистых алкал елей.

Любовник первый не был весьма оригинален,
Сначала юбиляра восхвалял, братву свою пленяя,
Затем посетовал, что мир, мол, материален,
Но если б не было искусства, земля б была пустыня.

И завершил свой длинный монолог, глядя в окно,
Грозя туда кому-то своим мощным кулаком:
«Потомству нашему лишь оценить его дано,
А не людям, живущим алчно, с золотым тельцом!».

Хоть не платил за угощение и вино.

Тигров утер слезу – продолжил выступление,
По разрешению актеров приглашенных,
И тут он начал свой обстрел и наступление,
На палачей искусства, им провозглашенных.

Тут антрепренер с ним совсем не согласился,
Сказав, что он сейчас нам выдал нагло колкость.
И тонко ощущая за сие неловкость,
И, не поев гуся с капустой, удалился.

Но на пути своем успел съязвить большой офит,
Что кресло это юбиляру нужно возвратить,
А то ведь завтра на спектакле «Гамлетова страсть»
На чем же император Клавдий будет восседать?

И юбиляр тут завопил, как гамадрил,
Так трагик наш от горя сойкой слезы лил:
«Вы почему не поддержали от нахала?»
Десерт закончился и гости разбрелись.

Вино закончилось, и – что ж – взялись за водку,
Затем пошли в ход шутки анекдоты,
Поток воспоминаний, прежних лет находки,
И разное бывшее за годы работы.

В часу десятом расплатились за обед,
Но близкие тут проявили мягкотелость,

В другое место был направлен пьяный след,
Да тут еще это веселье не приелось.

И юбиляр решил еще шампанским от обид
Всех угостить, но вот в карманах было пусто.
Любовник первый тут же предложил бегом сходить
Продать горе-альбом и сделать это шустро.

Ведь, если эти кривые дрожжевые рожи
Сейчас мы вынем аккуратно из альбома,
Мы продадим его, продлив наши желанья,
А с ними – для эпиграмм хранить его негоже
Нигде, тем более, у юбиляра в доме,
Ведь и смотреть на них порой – одно страданье.

Доколе будет эта эстафета на Святой Руси,
Привычка пьянства будет други-братцы?
А вот попробуй-ка запрет провозгласи,
Они ведь и полезут дружно драться.

Склонимся же к их обелискам

(к экранизации чеховской «Дуэли», 1973)

С экранизации Чеховской «Дуэли»,
Где образы героев воплощали,
Вы помните – Высоцкий с Далем,
Мы ищем записи и силуэты

Их дружбы след – из их исповедален,
Но видим записи лишь третьих лиц,
Которые со всех страниц
Нам говорят о схожести их судеб,
О кратких встречах их, по сути,
О внутренней, глубокой связи
И внешней той неявной бязи,
Что длилась долгими годами
С им лишь присущими страстями.
То был совместный их дебют
(И Чехову мы отдаем салют) —
Двух ярких гениев искусства,
Какие там пылали чувства
Антогонистов по натуре
И разница манер, культуры...
Не он ли, Чехов, предсказал
В одном из образов – вандал
Когда-то может вновь явиться
(Как было множество веков —
Нашествий с разных бережков).
Теперь эта война нам снится,
Его Высоцкий там сыграл
Харизматично и достойно,
В присущей лишь ему обойме
Даль тоже слабины не дал,
Хотя по роли он вассал.
Гонимы временем своим,
Они по устремлениям близки.
Игра была в их жизни протеин.

Склонимся же к их обелискам!

«Не в духе»

(А.П.Чехов, ПСС, т. 3)

Однажды некий пристав становой был у начальства
И в карты проиграл он денежек своих немало.
Он не любил терять чего-то с детства – «сызмальства»,
Зато в сознании виденье ликовало.

И вот от этого события он был не в духе,
Бес межсословной корысти его коробил в ухе.
Себе он места в комнате никак не находил,
Как зверь, он в жуткой духоте садился и бродил.

Он говорил себе, что деньги – дело наживное,
На фабрику подъехал или в трактир разок сходил,
И эти деньги или больше тут же получил.
И эка важность деньги – да все это пустое!

И в следующий поход и отыгаться можно,
А сын его в соседней комнате стихи учил,
Но для его ума все это было архисложно,
А мальчик фразы повторял, пока их выучил.

Он классику и не любил, не знал, не понимал,
И вслед за сыном фразу ту же громко повторял

И по-мещански иль грозил, или давал советы,
В конце спросив – кто автор? – сделал на него наветы.

Тут сын ему кричит: папаша, мужик привез муку!
Но это также не уменьшило его тоску,
И заиграла желчь в его душе, и он решил —
Давай-ка высеку я сына, ведь он стекло разбил.

В. А. Гиляровский. **«Жизнерадостные люди»**

Любил великий, сердобольный Чехов
Над кем-то тонко подшутить в компании.
И находил же он всегда балбесов,
Особенно с Гиляем на свидании.

А было дело вечером на Пасху,
По грязи снежной ехали «чай пить».
Стары были и кучер, и савраска
Представился тут случай друга посмешить.

Тянула плохо сани кляча по камням,
Там, где уж талый снег совсем растаял,
И подкатились к лавке овощной, к дверям,
Устала кляча – их случайный стайер.

А лавка славная Авдеева была,
Арбуз соленный прикупили, что ж...
Обертка из бумаги серой потекла,
Замерзли руки – стало невтерпеж,

«Его сейчас я брошу!» – говорит Гиляй.
«Зачем бросать? Городовой стоит, отдай,
Пусть ест! – Гиляй сообразил. Идея!!

Он пальцем поманил его, весь рдея.

Городовой, фуражку видя, встал во фронт.
Хотел Гиляй сказать «будь осторожен»,
Арбуз отдав, но Чехов выдал тут экспромт,
Как будто саблю выхватив из ножен.

«То бомба, осторожнее: неси в участок» —
Гиляй сообразил, что это шутка.
Услышать это можно было часто,
Городовому стало, видно, жутко.

«Не урони – гляди! – кричит Гиляй ему. —
Мы будем ждать тебя в участке, понял?»
А мы отправились в Столешников в корчму,
Лошадку свою кучер тут пришпорил.

На день другой он знал деяния стража:
Прокрался с бомбою во двор городской
И, вызвав дворника, бомбой будоража
На пост поставил свой, а сам, едва живой,

Ступая, чуть дыша, пошел к участку,
За ним тащилась кучка любопытных.
В дежурке сделал рапорт он фантаста,
В руках сжимая свой мокрый груз нехитрый.

Там встретил он агентов отделения,
Они велели бомбу положить на стол,

А пристав сообщил все в управленье.
Так хорошо закончился «прикол».

В тот миг пожарные приехали с пожара,
Толпу увидели, узнав в чем дело.
Старик-брандмейстер был донской казак, поджарый,
Направился в дежурку в каске смело.

Обертку сняв с соленого арбуза
И не внимая крикам, что это чревато,
Он чувствовал, что не забыл он вкуса!
Арбуз донской – любимый полосатый...

Мильон терзаний

(памяти Юрия Нагибина)

Он жил в империи как будто бы как все
И современников он поражал талантом.
Писал он в дневнике сермяжные эссе,
Всю жизнь боялся оказаться арестантом.

Чтоб власти не узнали, что он дворянин,
Мать, будучи беременной, сообразила
И имя друга отчеством ему всучила,
И так всю его жизнь он Богом был храним.

Он вел дневник свой сорок четыре года,
От года трудного войны сорок второго..
Описывая всей жизни эпизоды,
О всех превратностях его большой дороги.

Он щекотал людей всей правдой бытия,
А из-за страха описывал ее парад.
Лишь в «Дневнике» своем был жизни судия..
О, как он ненавидел всей власти маскарад!

Себя в те годы мучил, что заглянцевел,
Что он не мог раскрыться перед читателем.
Он с трепетом пред Солженицыном робел,

Его считая власти гробокопателем.

При жизни все ж решил опубликовать дневник,
Преодолев эмоций страха водопад,
Чтобы читатель не думал, что он временщик.
Ах, если б власти знали, что он супостат!

Терзанья Гойи в связи со смертью дочери

(По Л. Ф.)

Дочурка младшая его Елена
Вдруг как-то заболела воспалением гортани,
Узнав о том, упал он на колени,
Он знал, что это казнь за ночь с горячкой Каэтаной.

Домашний врач ей прописал лечение,
А Гойя – снадобье религиозное для дев...
Святой бумаги мелкое кручение,
Которое дочурке даст облегчение с небес.

Его лишь надо проглотить с водою,
Закутать тело одеялами Святой Елены.
А он в молитвах перед аналоем
И многократным покаянием их занят чтеньем.

Он наказал себя сам епитимьей,
Прелюбодействию он наложил навек запреты.
Как он устал от светской камарильи,
Не будет больше герцогини рисовать портреты.

Заставит разум он уснуть повесы
И укротит теперь в себе любовные все страсти.

Молчал пред Августином и Хосефой,
Писал лишь другу Сапатеру о своих напастях.

Рассказывал в нем правду об уловке,
Когда ложь о болезни дочки он в правду
превратил,
Нарисовал в письме он эгоммитри креста, ваятель,
Просил поставить свечи, что потолще.

Узнала Альба от друзей – дочь Гойи заболела —
И тут же предложила эскулапа.
Его Елена от страданий тяжких пожелтела
И встретилась с Хосефой-бедолагой.

И личный Альбы врач пришел к болезной.
О, как был ему он неприятен, его соперник!
Ему всегда не нравился этот щеголь помпезный,
Что делал с Альбой он ежевечерне?

Его лечение не облегчило дочери судьбу,
И в третий день скончалась Елена.
По сути, бедная дочурка и не вела борьбу,
Теперь она была лишь манекеном.

Часть вторая

Ведь для него он в жизни...

Что ждет артист от зрителя за тяжкий труд,
За те минуты перевоплощения,
За упоение чудесных тех секунд,
Ведь зритель ищет новых ощущений.

Да, зритель вместе с ним переживает миф,
Который некий автор обессмертил.
Страдать его заставит, ярко изумив
В им воплощенной страстной круговерти.

Ведь насмешит нас до умопомрачения,
Заворожив, как малого ребенка.
Мы не утратим его(her) все изречения,
А перлы станут частью жизни века..

Он знает эту гробовую тишину,
Горящих глаз не видит вблизи сцены.
Он в каждодневной роли весь сейчас в плену,
Его минуты в роли столь блаженны.

Он страстно хочет душевного общения,

Чтоб зритель понял апогей моментов.
Проник своей душой в его сужденья,
И за деяния аплодисментов.

Когда домой придет как выжатый лимон
По разному снимает стресс там каждый
И каждый день он держит этот марафон
Ведь для него он в жизни самый важный.

Марлен Дитрих

*«О незабвенная Марлен
Твой образ будет никогда не тлен»*

Да прошлый век актрисами великими богат,
Но самой выдающейся везде считают
Ту, у которой голос как певички хрипловат
И как богиню-идола её все почитают.

Она была красивейшим кумиром века,
Хоть вышла из семьи отца военного простой,
И не было того в искусстве человека,
Чтоб пальму первенства не отдал ей всегда одной.

Как подобает всем идолам столетия,
Все повидала и прошла она в своем веку —
Любовь и славу, и взлеты, и падения,
И зависть, сплетни, горе, одиночество, тоску.

Она не получила в школе аттестата,
Но верила, однако, в успех своей карьеры.
Упорством духа прусского была богата,
Сметая бесцеремонно тут же все барьеры.

Она устроилась в оркестр – играть на скрипке,
А ноги хороши – держали взгляды лабухов.

Уволена за то, но нрав ее был не таков
И на лице ее уж не было улыбки.

Она пристроилась в театр как-то, но в другой,
Где на спине ногами делала велосипед.
Теперь ее рекламам годовым отбоя нет,
И ценность ее ног поднималась по кривой.

Она выходит вскоре замуж и рождает дочь.
Теперь, казалось бы, мечты ее уходят прочь.
Она уходит в кабаре шальной девицей
И вскоре там становится уже певицей.

Одну необратимо влекло к красе Марлен,
Она ее учила в замужестве дать крен.
Теперь она уж средь лесбиянок из Берлина,
Уже во фраке модном, с моноклем, как мужчина.

Как эта девочка, на первый взгляд, простушка,
С курносым малым носом и небольшого роста,
Вдруг стала идиолом и умною вертушкой?
Все это сделать также было совсем не просто.

Вначале ее ментор Штернберг ей приказал
Два зуба удалить, создав для съемок идеал.
Затем учил дыханию, мимике, походке,
Что так необходимо для кино красотке.

А далее и с помощью искусства света

Вампир был выпущен им на экран для «света».
Она на время попадает сразу в Голливуд,
Тут режиссера следует благодарить за труд.

В недолгой своей кинокарьере
Она играла женщин разных кабальеро,
А позже и собственное шоу заимела,
Где танцевала и песни в разных странах пела.

Хотя Германия и была ее страной,
Она подчеркивала это не раз, порой
Смушалась за ее постыдные деяния
И выступала в песнях за их порицание.

Какое в жизни чудо сделало ее такой,
Что до сих пор нет ей хоть чуточку подобной?
Красивой стала недоступной и даже светской,
И в тоже время удивительно земной.

Три встречи оказали на нее влияние,
Сформировав ее как личность и как образ.
Они имели переписку, видясь много раз,
Создав в ней жизненного духа завещание.

То были тут гиганты Штернберг и Хэмингуэй,
Ремарк – особая фигура в длинной дружбе с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.